

ЭОСС

АРТЕМ БОГОМАНШИН

Артем Богоманшин

Эосс

<https://litres.ru/73899658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эосс — город, который исполняет мечты.

Здесь нужная дверь открывается за секунду до твоего появления. Кофе оказывается именно таким, каким должен быть сегодня. Дорога сама выводит туда, где тебе давно нужно было оказаться, а случайная встреча происходит прежде, чем одиночество успевает стать невыносимым.

Николас живёт в Эоссе и, кажется, получил всё, о чём когда-то мечтал: любимую работу, дом, куда хочется возвращаться и Асю — женщину, рядом с которой не нужно притворяться.

Но если город понимает твои желания раньше, чем ты сам успеваешь их услышать, остаётся ли выбор по-настоящему твоим?

Содержание

Эосс	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эосс

Эосс

Я вышел с работы на двадцать семь минут раньше обычного и почти сразу понял, что Эосс это заметил. И отнюдь не из-за того, что город подал знак. Эосс никогда не подавал знаков. Не высвечивал в воздухе заботливых подсказок, не спрашивал, куда мне удобнее идти, не разговаривал со мной голосом из динамиков. В этом и заключалась вся его прелесть. Он не лез в разговор, не давал непрошенных советов. Он делал так, что нужная дверь всегда оказывалась открыта за несколько секунд до моего появления, а маршрут, который я вроде бы выбирал сам, уже был подготовлен.

На этот раз всё именно так и случилось. На выходе из главного лобби стеклянная створка раскрылась раньше, чем я поднёс запястье к считывателю. Внутренний двор за ней был залит мягким вечерним светом. Он отражался от металлических поручней, будто пытался стереть с них холодный блеск и оставить только тёплое золото заката. Между плитами двора тянулись узкие водные каналы; в них ещё падали редкие капли после недавнего дождя, и по тёмной поверхности расходились мелкие круги.

Я остановился на секунду у края дорожки и посмотрел вверх. Над городом по невидимым воздушным линиям мед-

ленно двигались транспортные капсулы. Дальние башни стояли в голубовато-золотой дымке. Между ними тянулись мосты, террасы, прозрачные галереи, висячие сады и такие тонкие линии переходов, что иногда казалось будто город держится не на конструкциях, а на чьём-то упрямом желании скрасить людям дорогу до дома этим прекрасным завораживающим видом.

Я мог вызвать капсулу. Она пришла бы за полминуты, открыла бы створку ровно в нужный момент, подобрала бы температуру сиденья, убрала бы из маршрута резкие повороты и, возможно, привезла бы меня к кафе на пятнадцать минут раньше, чем нужно.

Именно поэтому я решил пойти пешком. Иногда мне нравилось делать вид, что я могу перехитрить Эосс. Город же, в свою очередь, всегда великодушно позволял мне эту маленькую глупость.

Я пересёк внутренний двор офисного квартала и вышел из-под стеклянного козырька на общий пешеходный уровень. Потом поднялся по широкой спиральной рампе на верхний ярус — туда, где начинались открытые террасы, прогулочные площадки и вечерние кафе.

Стены вдоль рампы казались живыми. Материал реагировал на движение людей: где-то становился прозрачнее, где-то собирал на себе отражение неба, где-то прятал чужие силуэты в мягкую матовую глубину. Пока я шёл, в стекле рядом со мной несколько раз возникала моя же фигура: немного

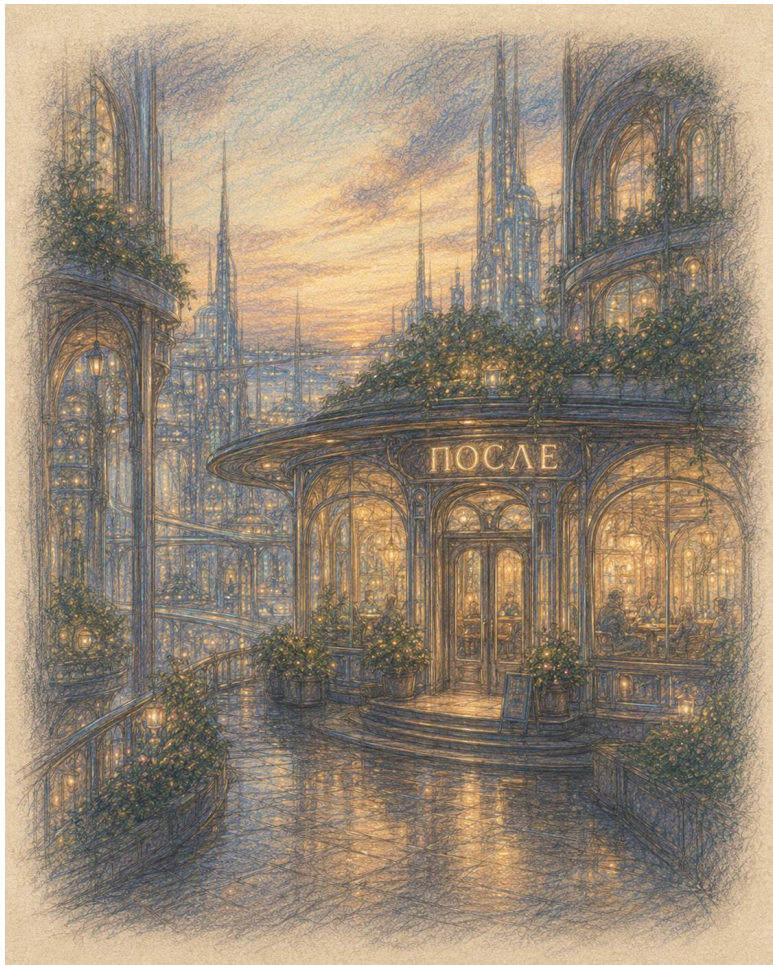
усталая, с расстёгнутым воротом майки-поло, с сумкой через плечо и с такой физиономией, которую Ася называла “лицом человека, героически пережившего совещание”.

Совещания сегодня не было. Но физиономия, кажется, была об этом.

На запястье дрогнул браслет. Я даже не стал смотреть. Я и так знал, что там: оптимальный маршрут, время до кафе, плотность людей на трёх ближайших уровнях.

Из чистого упрямства я не стал сворачивать туда, куда вела световая линия на полу, а нырнул в узкий боковой переход. Он оказался почти пустым, светлым, с потрясающим видом на город через высокую прозрачную стену и с запахом мокрой зелени из встроенных садов. Я фыркнул. Даже моё упрямство было предсказано Эоссом с раздражающей нежностью.

Кафе находилось на террасе между двумя жилыми башнями. Называлось оно просто: “После”. Очень глупое название, если вдуматься, но Ася однажды сказала, что хорошее кафе и должно называться так, будто у него есть незаконченное предложение. После работы. После дождя. После ссоры. После того, как ты понял, что день всё-таки можно спасти. С тех пор мы стали приходить сюда чаще.

Я вошёл через боковой вход, и уличный шум Эосса сразу приглушился до ровного фона, довольно заметного, чтобы помнить о городе, но достаточно тихого, чтобы не мешать. В зале было много людей, и все без исключения были заняты своими очень важными делами. Кто-то сидел в прозрачной нише у стены и спорил с соседом над светящейся моделью здания. Двое подростков делили один десерт на двоих и, судя по выражению их лиц, уже жалели, что не заказали два. Пожилая женщина с серебряными волосами читала что-то на планшете, а рядом с ней в воздухе медленно вращался крошечный сад из мха, и журчащей воды.

Наш столик, разумеется, был свободен. Он стоял у окна, чуть в стороне от основного зала. Я не бронировал его. По крайней мере, сознательно. Но столик ждал с такой спокойной уверенностью, будто уже отвёл место моей сумке, моему локтю, будущей чашке кофе и всем мыслям, которые я принёс с собой.

Я сел, положил сумку рядом, посмотрел на время на браслете и только тогда понял, как сильно устал. Но в Эоссе даже усталость ложилась на тебя аккуратно. В голове ещё шевелились последние рабочие решения, тело просило покоя, а внутри уже разливалось тихое удовлетворение. Эосс умел подбирать труд с практически филигранной точностью — достаточно сложный и интересный, чтобы в него хотелось вцепиться и не отпускать пока не закончишь, достаточно ясный, чтобы он не казался пустым, и достаточно соразмерный

твоим силам, чтобы к вечеру оставалось чувство завершённого дня, а не липкое раздражение от работы, которая украдала твоё время.

Я посмотрел на пустое кресло напротив и тихое удовлетворение внутри сменилось радостным предвкушением. Всё дело в том, что ожидание Аси было особым видом счастья: короткий промежуток перед встречей, когда она ещё даже не появилась, но уже начала заполнять собой вечер, и ты ещё можешь спокойно представить, как Ася войдёт, как улыбнётся, как бросит сумку на соседний стул и скажет что-нибудь такое, от чего ты рассмеёшься раньше, чем успеешь ответить.

К столику бесшумно подошёл компактный сервировочный модуль. Поставил передо мной чашку из тёмной керамики, маленькую прозрачную пиалу с водой и тонкую пластинку счёта, на которой не было суммы — только подтверждение заказа.

Заказа я, разумеется, не делал.

Кофе пах горьким миндалём, сухим какао и едва заметным дымком. Я хотел возмутиться. Даже набрал в грудь воздуха, чтобы произнести вслух что-нибудь вроде: “Нельзя же быть настолько предсказуемым, Николас”.

Но сделал глоток. И, конечно, кофе оказался идеальным. Да, именно идеальным, а не любимым. Любимый я пил дома, утром, когда Ася ходила по кухне босиком, закалывала волосы первой попавшейся кистью и говорила, что мирозда-

ние совершило ошибку, придумав дни, которые начинаются раньше десяти. Этот был другим. Вечерним. Чуть горьким, чуть терпким, с таким послевкусием, будто меня мягко возвращали самому себе.

Эосс не исполнял желания. Он угадывал состояние. И давал тебе не то, чего ты больше всего хочешь, а то, в чём ты сейчас по-настоящему нуждаешься. По мнению Эосса, конечно.

Я поставил чашку на стол и посмотрел в окно. За стеклом город спускался вниз слоями: террасы, мосты, световые дорожки, прозрачные лифтовые шахты, зелёные карманы садов, воздушные линии, по которым скользили капсулы. Далеко справа, между двух здоровенных небоскребов, виднелся тонкий силуэт нашей башни.

Я не сразу позволил себе на неё посмотреть. Смешно, конечно. Башня была обычным местом. Старая телевещательная вышка на верхней кромке одного из первых районов Эосса, давно выведенная из эксплуатации и оставленная скорее как архитектурная память, нежели как реально нужный объект. Там не было ничего особенно роскошного: широкий проём вместо окна, тёплый металл под ладонями, ветер, который почему-то всегда ощущался настоящим, и город внизу — огромный, светящийся, слишком красивый, чтобы любоваться им в одиночку.

Мы оказались в ней случайно. Ну, как “случайно”. В Эоссе это слово всегда приходилось брать за горло и долго трясти, прежде чем оно начинало говорить правду.

Первый раз мы поднялись на башню почти год назад. Мы тогда ещё не жили вместе, хотя оба уже старательно делали вид, что разговоры о совместной квартире — это всего лишь вопрос логистики: ближе к мастерской, удобнее до работы, меньше лишних поездок. А вовсе не очевидное желание засыпать и просыпаться рядом.

Ася тогда сказала, что башня похожа на место, где город на минуту забывает быть услужливым. Я ответил, что город просто вежливо отворачивается. Она засмеялась, а потом долго стояла у самого края, и ветер трепал её волосы так, что я едва не сказал ей всё сразу.

Не сказал. Но кажется, она всё равно поняла.

С тех пор башня стала нашим местом. Не официальным. Мы не договаривались. Не называли её “нашей”. Но иногда, когда день был до боли предсказуемым, когда город чересчур хорошо нас понимал, когда мне хотелось смотреть на Асю без чужого света, чужой музыки и чужих подсказок, мы шли туда.

Сегодня мне очень хотелось в башню. Настолько, что я почти боялся посмотреть на неё ещё раз. Я сделал ещё глоток кофе и поймал в стекле своё отражение с растерянной улыбкой — будто мне очень повезло, а я до сих пор не придумал, чем это заслужил.

Ася опаздывала на двадцать минут. Для любого другого человека это было бы просто опозданием. Для Аси — маленьким автопортретом. Она могла задержаться у холста, потому что “почти закончила”, а её “почти” имело собственную систему летоисчисления. Могла застрять на площадке выставочного павильона и спорить с техниками о высоте подвеса. Могла пойти в обход, потому что город очень явно подложил ей самый удобный маршрут, а Ася терпеть не могла, когда за неё выбирают даже самый приятный путь. Могла остановиться где-нибудь и смотреть на то, как свет падает на террасу ближайшего кафе. Впрочем, я знал её достаточно хорошо, чтобы не выбирать одну версию. И любил достаточно сильно, чтобы радоваться всем сразу.

Дверь открылась. Сначала я увидел её в отражении окна — и, как всегда, на несколько секунд потерял всякую способность думать связно.

Ася вошла быстро, будто всё-таки торопилась, но не собиралась признавать это ни передо мной, ни перед городом. На ней была короткая терракотовая куртка — тот самый цвет, который она называла “красным, научившимся вести себя прилично”. Под ней тёмная одежда простого кроя, узкие брюки, ремень сумки через плечо. Волосы — тёмные и выующиеся, после улицы лежали как попало, и одна прядь у виска упрямо выбивалась вперёд. Она наверняка уже пыталась её убрать. Прядь, очевидно, победила.

Я знал это лицо лучше, чем любой маршрут, который Эосс

мог проложить для меня. И всё равно каждый раз смотрел так, будто мне только что открыли новую часть мира.

В ней не было прилизанной завершённости, которую так любил город. Эосс умел делать людей уместными: спокойными, отдохнувшими, правильно освещёнными, красиво вписанными в пространство. Ася часто приходила чуть растрёпанной, с краской под ногтем, с уставшими глазами, будто цвет, свет и сама ткань реальности сегодня снова вели себя совершенно неподобающим образом. И именно поэтому она казалась мне прекраснее всего, что Эосс мог придумать.

Может быть, город действительно исполнял мечты. Но Эосс умел работать только с тем, что во мне уже было: с усталостью, привычками, страхами, маленькими желаниями, которые ещё даже не успели оформиться.

Ася была из другой области. Я не смог бы попросить о ней заранее. Не смог бы описать эту упрямую прядь у виска, краску под ногтем, уставшие глаза и улыбку, в которой насмешка никогда не отменяла заботу и нежность. До неё я просто не знал, что человеку может так сильно не хватать именно этого. Она подняла глаза, нашла меня почти сразу и улыбнулась.

Ася подошла к столику, бросила сумку на соседнее кресло и села напротив так естественно, будто место всё это время не пустовало, а ждало, когда реальность снова станет полной. Куртку не сняла. Значит, либо собиралась вскоре утащить меня куда-то, либо ещё не решила, достоин ли я длинного

вечера в её компании.

Я поймал её руку раньше, чем она успела убрать её со стола. Накрыл её пальцы своими. На секунду. Это было одно из тех движений, которые появляются у людей после года совместной жизни: маленькое подтверждение, что всё на месте, мы здесь, день закончился, можно выдохнуть.

— Я уже начал думать, что ты не придёшь, — сказал я.

— Я тоже, — ответила Ася.

— Что “тоже”?

— Тоже начала думать, что не приду.

— Картины?

— А сам как думаешь?

— Думаю, что однажды я окончательно проиграю холсту.

— Николас, ты проигрываешь холсту регулярно. — Она посмотрела на мой кофе, потом на меня. — Просто я достаточно добра, чтобы не сообщать тебе об этом.

— Чудовищная женщина.

— Зато я всё-таки здесь.

— Вот видишь, — радостно сказал я. — Значит, сегодня победа за мной.

Сервировочный модуль возник у стола так тихо, что я заметил его только тогда, когда он уже поставил перед Асей чашку ароматного чая в прозрачной кружке. От чая шёл тонкий пар с запахом жасмина и груши. Рядом с кружкой модуль водрузил маленькую тарелку с лимонным пирогом, посыпанным тонким слоем сахарной пудры.

Ася посмотрела на пирог.

Потом на меня.

— Это ты заказал?

— Я бы не посмел.

— Врёшь.

— Ладно, я бы посмел, но не успел.

— Значит, город.

Она произнесла это с усталой нежностью, с какой обычно говорят о знакомом родственнике, который опять заботливо вмешался туда, куда его не звали.

— Не смотри так на пирог, — сказал я с серьёзным лицом.

— Он просто выполнял приказ.

— Вот именно так они всегда и оправдываются.

— Кто? Пирог?

— Исполнители приказов, Николас.

— Господин судья, прошу учесть смягчающее обстоятельство: он лимонный.

— Это отягчающее. Преступник воспользовался заведомо известной уязвимостью жертвы.

— То есть город действовал через завербованный десерт?

— Через десерт, обученный психологическому давлению.

— Звучит как серьёзное обвинение.

— Очень серьёзное. Особенно если учесть сахарную пудру.

Ася взяла вилку, отломилла самый маленький кусочек, попробовала и на секунду закрыла глаза.

— Вижу, давление сработало, — сказал я.

— Не делай поспешных выводов. Я изучаю улику.

— И как тебе улика?

Она развернула кусок пирога под другим углом.

— Опасная. Требуется немедленного уничтожения.

— В интересах следствия?

— Разумеется. Нельзя оставлять опасную улику без надзора.

— Ты собираешься надзирать за ней до последней крошки?

— Я готова к жертвам.

— Кстати о жертвах, — сказал я. — Как выставка?

Она посмотрела на меня так, будто я только что добровольно вступил на тонкий лёд.

— Какая именно?

Я замер. Кажется, это был плохой вопрос.

— Та, — осторожно сказал я, — которая... важная.

— Все мои выставки важные.

— А я и не говорил обратного.

— Тогда о какой именно выставке ты спрашивал?

— Ну о той, где будут картины... Люди такие все важные из себя...

— О, картины и люди. Как необычно для выставки.

Я вздохнул и сделал глоток кофе, чтобы выиграть полсекунды. Кофе, предатель, оказался страшно хорошим и никак не помог.

— Ты сегодня такая красивая, — сказал я.

— Жалкая попытка.

— Зато искренняя.

— Это тебя не спасёт.

— Иногда спасает.

— Только когда я заранее хочу тебя простить.

Я рассмеялся — и только тогда понял, как сильно за день устал быть собранным и серьёзным. Ася сидела напротив — растрёпанная после улицы, с упрямой прядью у виска и с таким видом, будто уже простила меня, но собиралась ещё немного насладиться процессом. И я вдруг почувствовал, как меня распирает от любви к ней — невыносимо сильно, почти болезненно. Так случается иногда без всякой причины. Когда ты смотришь на человека, с которым живёшь уже год, знаешь, как он злится, как молчит, как смеётся, как теряет кисти, как ругает утро, как спит, отвернувшись, но всё равно держит твою руку под одеялом, — и вдруг понимаешь, что никаких “привыкнуть” не существует. Есть только новые способы удивляться тому, что она рядом.

— Что? — спросила Ася.

— Ничего.

— У тебя такое лицо, будто собираешься ляпнуть что-нибудь опасно милое.

— У меня всегда такое лицо.

— Нет. Обычно у тебя лицо человека, который пытается доказать городу, что сам выбрал маршрут.

— Вообще-то, это важная гражданская позиция.

— Так ты у нас, получается, член оппозиции?

— Я её главный вождь.

— А бывают неглавные вожди?

— В правильно организованной оппозиции — обязательно.

— Удобно. Можно быть главным даже в одиночестве.

Она расхохоталась. И я вдруг понял, что больше не могу сидеть напротив неё за этим безупречно выбранным столиком, в идеально подобранном свете и с этим мастерски приготовленным кофе, — слишком много всего поднялось внутри, и всему этому срочно нужен был воздух.

Мне захотелось ветра на верхнем ярусе башни. Тёплого металла под ладонями. Города внизу. Асю рядом. Я хотел побыть с ней там, где можно было просто стоять вместе и не чувствовать, как вечер заранее собрали для нас по инструкции. Там, где Эосс хотя бы делал вид, что отворачивается.

— А давай не пойдём сегодня домой, — сказал я. — Пойдём в башню.

— В башню? — Ася подняла брови.

— Угу. Тем более завтра выходной. Можем посидеть там подольше.

Она медленно положила вилку на тарелку.

— Наглец.

— Я бы предпочёл “романтически настроенный человек”.

— Наглец, — повторила она. — Это у тебя завтра выход-

ной. Опять будешь весь день валяться в кровати и изображать глубокое восстановление после тяжёлой недели. А у меня завтра выставка современного искусства. Опять забыл? Я тебе десять раз говорила.

— Вот! Выставка современного искусства, я же говорил, что вспомню.

Мне даже стало немного стыдно. Но совсем ненадолго. Потому что стыд быстро сменился разочарованием, а разочарование, как всякое воспитанное чувство, тут же попробовало спрятаться за дешёвой манипуляцией.

— Значит, никакой башни сегодня? — Я изобразил грустный собачий взгляд, надеясь, что эта уловка в очередной раз сработает на Асе.

Она посмотрела на меня так, как вероятно, смотрят на особенно нахального, но очень любимого зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.